

Зоя Евгеньевна Журавлёва

**Зоя Евгеньевна
Журавлëва**

20 VIII 1935 – 26 III 2011

Зоя Журавлева была одним из опорных людей нашего научно-образовательного сообщества, основу которого заложила Ассоциация «Женщины в науке и образовании». Зоя была близким для меня человеком и мне трудно писать о ней. Может быть, позже.

Она была большим писателем и страстным человеком, исключительно чутко и тонко чувствовала и понимала Слово.

Зоя написала более 20 повестей и романов, детских и взрослых, много статей и эссе, редактором-составителем книг о Потемкине и С.П. Курдюмове. Большинство написанных ею вещей представлено на сайте [www.spkurdymov.narod.ru /](http://www.spkurdymov.narod.ru/).

Анализ и понимание написанного ею еще впереди, и мы обязательно сделаем книжку, посвященную ее жизни и творчеству.

Зоя была организатором конференций «Языки науки – языки искусства», вела ежегодный Круглый стол «Культурное пространство России» на конференциях «Математика. Компьютер. Образование», часто выступала на различных конференциях и по радио, была главным редактором газеты Ассоциации «Женщины в науке и образовании».

Здесь мы собрали статьи Зои Журавлевой, которыми начинался каждый номер газеты «Г-жа Удача» и некоторые материалы о ее творчестве.

Нам хочется, чтобы старые участники наших конференций, читая эти тексты, вспомнили Зою Журавлеву, а новые участники узнали. Что среди нас жил такой замечательный писатель и человек.

Председатель Правления МОО ЖНО

Профессор МГУ им. М.В.Ломоносова

Председатель Оргкомитета конференций МКО

Галина Юрьевна Ризниченко

Что такое жизнь

Как-то я разговорилась с молодой леди лет пяти, весьма продвинутым гуманитарием, и она спросила: «А что такое жизнь?» – «По-моему, это – удача», – сказала я, помедлив ровно одну секунду, ибо жгучий этот вопрос и у меня не раз возникал. Единственного ответа все равно нет, сколько жизней – столько и ответов. Я просто предложила ей нетривиальный, на мой взгляд, вариант. «Удача? – слегка удивилась молодая леди. – Я думала – это что-то из области биологии».

Красиво говорит! Но меня не так-то просто сбить. «Биология! – фыркнула я. – Жизнь – шире. Скорее биология – из области жизни. Вот мы с тобой, например, могли ведь так никогда друг друга и не увидеть. Но вдруг – встретились! Это что, по-твоему?»

Лицо юной леди осветилось проницательной улыбкой. «Удача?!» – догадалась она. «А то – что же? Ведь время – огромное, безразмерное, вообще никто не знает, что это такое, если по правде». – «И мама?» – обеспокоилась леди. Я поняла, что слегка зарвалась, но меня уже несло. «Боюсь, что и мама, – жестко сказала я. – Бесконечное, необозримое во все стороны время и еще, заметь, пространство». – «Тоже немаленькое», – компетентно поддержала молодая леди. Ух, не зря я так верю в интеллект – он, родимый, помогает подняться над узко-личными интересами в любом возрасте! «И мы с тобой – такие маленькие...» – «Ну, ты не такая уж маленькая», – деликатно вставила юная леди. «Для времени и пространства – пустяк. Мы обе – лишь крошечные точки и всё-таки встретились! Это же – невообразимая удача, которая и называется жизнь. Тем она и прекрасна!»

Молодая леди молчала, лицо ее выдавало скрытую и напряженную работу мысли. «И с мамой», – сказала она, наконец. «Что?» – не поняла я. Взрослые все же априори туповаты, замусорены ерундой, надо признать. «Я ведь могла бы никогда не встретиться со своей мамой». – «Запросто!» – ляпнула я. Но тут же одумалась. «Но ты же встретилась! Это, может, главная твоя удача. Это и есть жизнь!»

Молодая леди как всякий новообращенный была теперь неудержимо захвачена самой идеей. «И с папой, и с бабушкой, и с Андрюшкой»... – «А кто

это – Андрюшка?» – не очень вежливо перебила я, чтобы, видимо, не чувствовать себя одинокой на этом пиршестве ее удач и жизни. «Мой друг, ты его не знаешь, – снисходительно пояснила юная леди. – И с лыжами, и с Айшой, это наша собака, с дедушкой, и с велосипедом, с цирком, с крапивой, которая кусается...» Я видела, что она теперь на верном пути и ее уже не остановить. Пока новое – собственное – сомнение не собьет ее.

Мне было приятно и чуть-чуть горько, что я больше ей сейчас не нужна. Чтобы, видимо, перебить в себе эту горечь, я сказала: «Андрюшку я, конечно, пока не знаю, но вот что я знаю – если я с кем-то еще пока не встретилась в жизни, я еще непременно встречусь.» – «Со всеми?» – горячо обрадовалась новому повороту юная леди. «Обязательно, – нагло сказала я. – Именно поэтому, в частности, я и понимаю жизнь как удачу». – «Я тоже – со всеми!» – вскричала леди. И начала перечислять...

Я была абсолютно искренна в разговоре с молодой леди. Я действительно считаю, что нам с Вами неслыханно повезло – мы встретились в неуловимой точке пространства-времени, мы узнали друг друга, мы слышим и понимаем друг друга, стараемся – понимать. Мы – не одиноки в этот смутный миг истории, вот, пожалуй, самая большая наша удача, она же – жизнь. Мы встретились со своим любимым делом, с близкими своими и дальными. Кого, пока не знаем, – с теми, я верю, еще непременно встретимся, чтобы нас, встретившихся и дружелюбных друг к другу, было больше.

Именно в этом смысле мы и выбрали название газеты нашей Ассоциации – «Г-жа Удача»: «Госпожа» – значит ценим и уважаем, чуть-чуть, может, улыбаемся, немножко иронии – настоящему делу не повредит, только полезно. Удача, как известно, – особа капризная, сама собой на голову не свалится, разве что в сказках, но работать на Удачу – увлекательно и перспективно. Попробуем!

Что такое мысль?

В школе, каюсь, я математику не любила. Наташка Михельсон, с которой мы рядом жили, моментально и палкой на снегу решала мне, что задали на дом. Я ей, той же палкой сбивая сосульки, на ходу сочиняла домашние сочинения. Говорила презрительно: «Числа – безэмоциональны, в них же нет ни эстетического, ни нравственного начала». Читала Наташке стихи: Ахматову, Блока, Есенина. Наташка кривилась: «А тут какое начало? Ни смысла, ни логики». Глупы были обе. Зато философы!

Не знаю, что поняла позже Наташка Михельсон, но я постепенно поняла, что красоты, нравственности и логики нет ни в чем, ни в математике, ни в поэзии, если этого всего – нет в самом человеке. А ежели это есть внутри, то оно пронзает весь мир, где пленительная архитектоника мироздания одухотворена поэзией строгих пропорций, а поэзия исполнена логики иррациональной и пульсирует ритмами, как все живое.

Математики я, само собою, и посейчас не знаю, образование чисто гуманитарное.

Но вот ведь что интересно. Помню, я в Волгограде (это была IV Конференция женщин-математиков) опоздала на доклад Ирины Семеновны Гудович, вошла посередке. И через пару минут, вопреки загадочным для меня формулам и вполне специальнym словесным конструкциям, обнаружила, что речь идет о рождении образов, о порождении в массовом сознании слухов, тотемов и штампов, о законах их распространения, столь меня волнующих.

Сразу забыла про математику и полезла с вопросами. И дальше – никто, небось, этой мимолетной заминки и не заметил, но я очень даже помню – мы с Ирой стали попеременно кричать: «Ах, вот это почему!» – «Я давно чувствую, что это так, но как-то не связывала!» – «Вот именно! Я это и имела в виду!» И только-только я счастливо расслабилась, как Ирина Семеновна вдруг произнесла: «теория перколяций». Я вмиг окаменела. Красивое слово «перколяция» мне было неведомо абсолютно, вместе с его теорией. Я, правда, тут же мужественно спросила, что сие значит. А это-то как раз и было – ее профессиональная область и тема доклада.

Самое странное, что наше взаимное понимание от полного моего математического невежества – меньше не стало. Вот ведь энергетическая сила мысли!

Мысль, коли она в чем-то действительно есть, обладает необоримой мощью: она берет тебя за шиворот, поднимает, ведет и властно заставляет тебя, вне зависимости от скромности твоих познаний, ощутить красоту свою и правду. Вейль, наверное, действительно прав, утверждая, что «красивое решение, как правило, истинное.» И к стихам это так же относится, и к прозе, и к живописи, ко всему. Германа Вейля, Анри Пуанкаре, Нильса Бора, Илью Пригожина, – всех разве перечислишь? – хорошо читать на ночь для удовольствия вкупе с Борисом Пастернаком или той же Анной Ахматовой. Возвышает душу! Это интуитивное чувство красоты, расширяющее мир, – убеждена – может в себе развить каждый. И оно в любой профессии – обогащает, встраивая тебя, мгновенного, а вечный и неостановимый поток человеческой культуры, который мы ведь исключительно по узости своей разделили: на гуманитарную и естественно-научную.

И потому общая наша сейчас задача – растить людей, для которых станет нормой, какое бы поприще они себе ни избрали, понимать и принимать это единство культуры, радоваться ему и не шарахаться ни от одной из его прекрасных ветвей. Только тогда мы можем рассчитывать на гармоничное и здоровое древо жизни, достойное человека, коли он все-таки хочет выжить на хрупкой и зависимой от него нашей Земле.

Что такое язык

Всякий, кто учился в начальной школе в старорежимные времена, это знает: «Мы не рабы, рабы не мы». С этого мы все начинали. Золотая фраза, она сразу вводит в курс дела! Это, небось, были два предложения с точкой посередине. Неважно! Мы будем рассматривать это – как нерасторжимое целое, как совершенную и могущественную структуру. Структура, как известно, отличается от окружающего пейзажа большим уровнем организации. Это явно есть: чисто фонетическая даже – выпуклость, ударная звучность, резко поднимающая мысль над окрестным банальным текстом.

Смыслов тут – миллион.

Ну, во-первых, эта фраза отлично и без напряжения рифмуется. Дети интуитивно чутят рифму, ощущая телом властный и радостный рокот языковой стихии, ритмическое ее родство с первоязыком нашим. С движением. Рифма приходит сама – как шалый гребень волны, как цветной мяч, посланный навстречу, как удар живым удивлением в селезенку. Да хоть: «Мы не рабы, рабы не мы, гремят гробы, трубят слоны». Мажорно! «Трубят» – значит наша победа, «гробы» – это ихние гробы, не-наши. Противостояние заложено изначально. Можно чуть усложнить: «Мы не рабы, рабы не мы, не хочется чесать спины, а чешется у всей страны». Тоже недурно. Любой ребенок охотно сыграет в такую игру. И нужная формула, таким ненавязчивым образом, намертво засядет в подкорке. Ребенок-то вырастет, а она-то врастет.

Во-вторых, фраза эта блестяще организована геометрически: она является собой равнобедренный треугольник, устремленный ввысь. «Мы-не-ра-бы» – идет уверенный и четкий подъем; невольный передых-выых, венчающий острую вершину; «ра-бы-не-мы» – четкий и уверенный спад. Основание треугольника рождается само собой – как гибкая стяжка-распорка, без которой противоположности (рабы и не-рабы) сольются или потеряют друг друга из виду, то бишь вся конструкция рухнет: враг должен быть злим, борьба как воспаленная повседневность требует его освежающего присутствия ежесекундно. Направление треугольника ввысь – это энергия оптимизма, подразумевающейся взлет, может — птица взмывающая, может, «гордо реет буревестник», конкретика – лучше, ибо вбирает заодно и молнию.

Мой анализ, конечно же, субъективен: кто-то, допустим, увидит не треугольник, а додекаэдр, или знает другие рифмы. Суть не в этом. А в том, что ничто – не совершенство. Да, столь знобяще-отточенный идеологический тотем в обличий невинной грамматической штучки состругать непросто. Нужен талант! И натренированное чутье: языковое, социальное, психологическое, всех не исчислишь. А ведь простой учебник! И гранта Сороса, может, не было. Так, от души. Или, может, от трепета жизни. Тем более интересно, что совершенное это совершенство все равно несовершенство: есть и тут уязвимое место, мгновенно убивающее тотем. А именно. Вдруг да мы, нестандартно прянув от ритма и победительной интонации, прочтем: «Мы не рабы, рабы немы»? Ну, слегка придется сдвинуть ударение, но кто сейчас их принимает всерьез! Вдруг да мы прочитаем «немы», вздрогнем, ощутим бездонную и огнедышащую мощь крошечного этого сдвига и пронзимся новым смыслом, самокритично прикинув его на себя?

Фраза качнется, как топкий берег. Первая часть ее — «мы не рабы» — вмиг потеряет в весе и лишится праздничной убедительности. Главным же станет вторая часть, ранее — вполне, производная: «немы» — ослепительно выпятится. Все вместе теперь выглядит приблизительно так: «Мы немы, значит мы рабы, надвинем шлемы на зубы». Но это не утверждение, что было бы нам прямым оскорблением, а простодушный вопрос.

То, что надо, по-моему.

А не немы ли мы, часом, в неостановимой своей болтливости? Всегда ли слова наши обеспечены смыслом? Как в науке, так и в искусстве. Чувствуем ли мы тот живой язык, на котором всю жизнь неутолимо изъясняемся, спорим, молчим, шепчем, кричим и лепечем? Сознаем ли мы целительную силу его, щепетильную уступчивость и туземное коварство, враз оголяющее нас одной только нашей же фразой? Умеем ли мы услышать себя? И не связана ли крайняя наша сейчас внушаемость — от мандалы до выборов — с растущей языковой немотой?

Рита Яковлевна Райт — блестательный переводчик, «Над пропастью во ржи» Сэлинджера - Райт наверняка читали -- как-то бросила между делом, как янтарную занозу всадила: «Главное – научиться переводить с себя на себя».

Нет, что-то тут есть...

Или снова нужен тотем – как путеводная звезда.

Что такое свобода

Свобода – это, по-моему, когда себя не боишься.

Я недавно шла до метро с умным человеком. Он – математик, учитель, человек, на мой взгляд, блестящий, голова прикурана и язык как бритва. Говорили о пустяках – о математике, об искусстве. «Знаете, что у них общего?» — «А по-Вашему что?» – для себя-то я знаю. «Математику и искусство роднят две вещи. 1. И математика, и искусство имеют дело с идеальными понятиями, нет ведь ни круга, ни треугольника. 2. Они работают с бесконечностью». Люблю бесконечность – от нее дует. А, может, из нее? Во всяком случае, мне сделалось лестно за искусство. Но еще приятнее – быть справедливым. «Только они, что ли? А биология?» – «Биология? Нет! Именно математика. И искусство, как мне кажется». Так, вечность, овечность, словцо Мариной Цветаевой, квинтэссенция массового сознания. Одна только буква вмиг переводит «вечность» в «овечье стадо». Нас защемило этой дверью и дерганье наше меж вечностью и овечностью – бесконечность. Занятно! «Вот и напишите об этом в «Удачу», – это я вспомнила ближние задачи. «Ну, что вы, Зоя Евгеньевна, это ж такой трюизм!»

Ладно. Я в тот же день задала этот вопрос пяти человекам, каковых я считаю вполне мыслящими и не чуждыми проблеме. Все сказали, что надо подумать, сразу – они не могут, им нужно время, чтобы сформулировать. Они мне чуть позже позвонят. Ни один – не позвонил. А когда я позвонила, то все разными словами объяснили, что вопрос этот очень серьезный и они не рисуют так просто на него ответить. «Да я же и не рассчитываю на какой-то окончательный ответ! – возопила я. — Мне просто интересно, чего вы лично про это думаете!» Но все как-то мялись и ни за что не хотели мысли свои, которых не отрицали, как теперь принято выражаться, «озвучить».

Я кое-чего уже начала понимать. Но, чтобы убедиться, позвонила еще первоисточнику и сообщила, что не такой уж это трюизм, ибо никто ничего подобного мне за отчетный период не сообщил. И вдруг услыхала: «Нет. Зоя Евгеньевна, я писать ничего не буду, потому что категорически не хочу вступать на территорию, где я не специалист». — «Вот это да!— ошарашилась я. — Тогда мы все должны круглосуточно молчать, поскольку тот клочок, где

мы действительно специалисты, столь мизерен, что просто не о чем будет разговаривать». Он засмеялся: «Может, Вы и правы. Но я, извините, не могу. Боюсь выглядеть профаном». Черт, а я-то считала, что он ничего не боится. Я же видела, как он бесстрашен на уроках, в математических статьях своих и как бескомпромиссен в суждениях.

Так, – подумала я. Значит и другие-пятеро, и не знаю, сколько еще! – просто боятся как-то не так выглядеть, если они собственные свои мысли высажут. Но он – по инерции своего профессионального бесстрашения – формулирует, почему не будет. А другие – значит – сроду и этого не скажут. Так вот для чего, выходит, нужен нам Сузdalь, 96, 99 и далее! Чтоб умные люди сами себя не боялись и смело выходили за пределы себя, привычного. Иначе ж мы все усохнем, а судить отрядим лишь безразборных профанов.

Ведь для того, чтобы выйти за пределы себя, нужно только себя – иметь. Больше, по сути, ничего и не нужно. Чтобы было из чего выходить-то! Ясное дело, что этот предмет – ты сам! – наиболее непостижим и для каждого из нас загадочен, хоть именно с ним мы всю жизнь остолбенели и сталкиваемся, ему, родимому, удивляемся, учимся с ним, единственным, управляться, ищем для него цели и выбираем средства, им томимся, его жалеем и им же – тайно или открыто – гордимся, какой он, оказывается, молодец вопреки и во имя и какой же – при этом – тупарь-тупарем при неизбытных своих высоких потенциях.

Ужас как хочется – судьбу себе облегчить. То есть принять бы намертво одну какую-нибудь на все случаи точку зрения, набросить на этот неиссякаемо-внезапный мир какую бы никакую, но единственно верную сетку, встроить бы этот бешеный мир и себя в какую бы классификацию, научную ли, бытовую ли. Чтоб сидеть удобно и профессионально. Сами знаете: черное-белое, плохой-хороший, лицо-кавказской-национальности – лицо-некавказской. Можно легко окунуть и нелинейность, я уж не раз слыхала на вяющих сорищах – «Главное, выбрать правильный атTRACTOR!» – «Нет, это не мой атTRACTOR, мой – вон тот». Выбирается – опять же – как единственно верная тропка, на словах только нелинейная, открытая и неравновесная. Синергетика, не успев еще окрепнуть в умах как мировоззрение, уже каменеет на глазах, превращаясь в языковой штамп. Видимо, в связи с этим и вскипели сейчас страсти о границах ее применения. Но дело, на мой взгляд, не в границах, а в нашем собственном ленивом нежелании осознать, для самих себя, живую глубину новых терминов

и мгновенное приспособление новых понятий в качестве спасительных старых тотемов.

Если уж говорить о классификации, то лучшее, что мне на этот счет встречалось, предложил Х.Л. Борхес, хитро ссылаясь на китайскую энциклопедию «Небесная империя благодетельных знаний». Многие, небось, помнят. А звучит так: «Животные подразделяются на: а) принадлежащих Императору, б) бальзамированных, в) прирученных, г) молочных поросят, д) сирен, е) сказочных, ж) бродячих собак, з) включенных в настоящую классификацию, и) бегающих, как сумасшедшие, к) неисчислимых, л) нарисованных очень тонкой кисточкой на верблюжьей шерсти, м) прочих, н) разбивших цветную вазу, о) издалека кажущихся мухами».

И не в художественности ее сила. Нет, сила — в холизме. Ибо цельность тут возникает только тогда, когда на каждый пункт успеваешь создать свою логику, оценить ее цепкость и красоту. Насладиться и тут же, со следующим пунктом, эту прижившуюся уже красу, мгновенно и радостно выкинуть, чтоб найти другую. Снова удивиться и оценить. И опять скакнуть. Ух, какая вольная, упругая и гибкая сила в этих перепадах! Сам себе — уже в радость. И только вкупе этих бессчетно разнообразных углов и поворотов зрения — на мой взгляд — и рождается цельность буйства жизни, в котором мы зачастую так смешно неповоротливы.

Нового тут — ни кварка. Принцип дополнительности Бора? Он! Гедель со своим следствием? И он тоже! Любимый мой Витгенштейн? А как же! И Илья Романович Пригожин, и Сергей Павлович Курдюмов, который — вот он, рядом, и Василий Васильевич Налимов — со своим миром непроявленного и скрытого смысла. Да все они! От нас нужно лишь бесстрашие — отказываться от собственного либо общего штампа, да хотеть прыгать, хотеть знать и быть готовыми к восторгу мысли.

Я, честно, вообще-то классификации обхожу стороной. Ну их совсем! Слишком уж неотвязны и нагло овладевают. Но свою собственную, тоже — естественно — имею. И я ведь не совершенство! Я для себя человечество делю только на две группы, чтоб мне проще. Первая — любит то, что она знает. Представители этой категории чрезвычайно устойчивы, перемен чураются, плохо их переносят, счастливы в знакомом, лишь хорошо обжитом, кругу, часто — профессионально могучи, но столь же часто абсолютно беспомощны на отдыхе, вне основной

работы, на пенсии, во внезапных условиях жизни, а у нее под-дых за каждым углом. Новое частенько сперва воспринимают либо как глупость, либо как оскорбление. С искусством, на мой взгляд, у них особенно, как принято сейчас выразиться, «непростые» – ощущаете вязкую и непроваренную силу этого определения, ныне тотального – отношения, хоть много тут и людей искусства. Вторая половина человечества – ну, меньшая половина – любит как раз то, чего не знает. И по моим наблюдениям, эти – веселее. И себя не боятся. Мир предлагает такую роскошную бездну незнаемого, куда сладостно вгрызться, что просто скучно думать – как ты выглядишь и вдруг не то сказал.

По-моему, это и есть свобода.

Что такое мы

О чём бы мы ни говорили – о нелинейном мышлении или о прошлогоднем снеге, мы говорим.

Язык, по сути, – социальная онтология. В нем, уже на грамматическом уровне, заложены все наши связи с собой и с миром, со временем и пространством.

Без языка нас – просто нет.

Родиться и вырасти в языковой стихии – не значит владеть языком. Это значит – посильно им пользоваться, не более.

Языковой вкус воспитывается культурой.

Для понимания одного-единственного слова требуется вся жизнь: вся культура, которую смог впитать. Иначе воспринимаешь лишь точечное значение, а многоцветное поле значений-оттенков-смыслов для тебя закрыто.

Культура – это искусство ассоциативных связей и способность создавать новые.

Язык – способность к мышлению, хотя никому неведомо, что тут первее и как одно от другого зависит. Это – двуединство.

Слово – это действие: оно изменяет мир, но нам недосуг об этом задумываться. И не хочется. Ибо осознание это безмерно увеличило бы нашу личную ответственность за собственные слова.

Точное слово наводит действительность-факт-мысль на резкость, как фотообъектив. Приблизительные слова рождают и приблизительное мировоззрение.

Язык – всегда мировоззрение. Не потому даже нужно владеть другим языком, чтобы прочитать Шекспира или Конфуция в подлиннике, а чтобы обогатиться еще одним-вторым-третьим взглядом на мир.

Взаимопонимание – это проблема языка.

Главное в языковом слухе – умение отличать ложь от правды.

Оскдение языка, языковая немота, превращает общество в зависимое и легко управляемое сверху стадо.

Процесс этот сейчас идет успешно.

Кстати, это и проблема здоровья. Ибо немота порождает ощущение одиночества, а ничто так не изматывает психику, как непонимание.

В родном языке нас подстерегают две главные опасности: штампы-клише, исключающие работу мысли, и бурно прогрессирующее научообразное бормотанье, прикрывающую все ту же пустоту вязью профессиональных терминов. Если сам что-то понимаешь, то всегда можешь это выразить на человеческом языке.

Отторгают не новые (или старые) научные идеи, а неумение их выразить. Пока мы этого не поймем, нам не преодолеть все углубляющийся разрыв: народ – интеллигенция, естественно-научное знание – гуманитарное знание, новая парадигма – старая парадигма, собственное мнение – манипуляция нами.

Что такое грамматика

Всякое слово, известное дело, фрактал, а потому выражает нас на любых масштабах с исключительной силой и с полным сохранением нашего эксклюзивного самоподобия, настоящего на культурном самоподобии нашего же общественного менталитета.

К примеру, только что в Дюрсо, где проходила 10-я наша математическая конференция, имел место такой рядовой эпизод. Конференция квартировала, как обычно, на базе отдыха «Моряк», что приблизительно Дом отдыха пищевиков в Зеленогорске, только море — исключительно Черное, настырное, от него только в нем и спасешься, грабы, буки, акации и карагачи — цветут, как бешеные, непривычный организм шалеет от неистовых этих запахов и постмодерновых красок. Хорошо, хоть ночью бывает сырое: от гор. А, может, даже и холодно. Общая мечта поэтому — заснуть бы второе одеяло, шерстяное бы для разнообразия.

Ну, блажь, конечно!

И завскладом, миловидная и речистая леди с мгновенной реакцией, охотно нам объяснила. Что — не положено, нету, ни за что не даст, даже если и есть, неизвестно, кто мы еще такие, так ведь каждый себе по одеялу схочет, может нам еще и подушку-думку? И, мигом с нами разобравшись, скрылась в кустах, вильнув кормой. Я бы, может, и плюнула. Но коллега моя, тут завскладом не повезло, последние 20 лет проживает в Швеции, а потому сохранила лингвистическую первозданность наших шестидесятых годов и, попутно, разучилась понимать простейшие вещи. Тут же пристала с этим вторым одеялом к какому-то пожилому джентльмену, явно местному и случившемуся рядом. Он-то ни сном, ни духом! Просто мимо шел. Но вдруг купился на заморское простодушие. И, оказалось, был в силах и как-то мог повлиять даже на одеяла. Только спросил у коллеги документ. А она и ляпни: «Зачем? Я же даю слово чести!»

Не знаю, правильно ли это: честь — к одеялу. Не слишком ли много чести!

Но эффект вышел зудодробительный. Это надо видеть! Пожилой джентльмен буквально онемел на моих глазах. И даже, мне показалось, окаменел, как Доротея. И долго еще беззвучно шевелил губами, как бы пытаясь сложить их в

какие-то необыкновенные созвучья, вдруг внутри подпирающие. И уж потом только молвил: «Я таких слов и не слыхал никогда. Одеяла – будут!» И пошел от нас боком, оглядываясь, не испаримся ли мы.

Мы, само собой, не испарились.

Он тоже оказался не вполне всесильный, не бог. Но одеяла нам завскладом вскорости вынесла, сама, своей ручкой. Потребовала к ним паспорт. И вторично, с ней, этот номер у моей коллеги не прошел. «Слово чести» она пропустила как пустой звук. Не услышала.

И пока я рысью бегала за документом, у меня было время осознать – почему она его не услышала и еще кое-что припомнить из грамматики, относящееся к делу.

Вы не забыли? Мы ж – о грамматике. А поскольку в любом тексте бывают одновременно разные языки, и мы бессознательно и неустанно с одного на другой для себя переводим, чтобы ощутить красоту и поймать смысл, то, как при всяком художественном и полноценном переводе, чем дальше при этом отойдешь – тем ближе к сути будешь.

Суть же проста, как рога улитки на мокром листе рябины: слово «честь» не входит в тезаурус завскладом базы «Моряк», так что его – вообще нету. Его и услышать поэтому нельзя. Не говоря уж – употребить или, там, прочувствовать.

Слово это – «честь» – мы все более теряем. Оно, по моим наблюдениям, уже более – из мертвого языка, может, уже из латыни. У Даля надо уже глядеть. «Честь – внутреннее нравственное достоинство человека, доблесть, честность, благородство души и чистая совесть». А когда слово выпадает из языка, вместе с ним, увы, исчезает и понятие, вот в чем гвоздь.

Я бы, может, тут же и позабыла этот житейский и вполне ведь обычный для нас эпизод, если б незадолго перед тем моя подруга в Москве, школьный преподаватель русского языка и литературы, человек с безупречным языковым слухом, не спросила бы меня вдруг посреди не-об-том разговора:

«Вот, как ты считаешь, почему они все сейчас пишут „честолюбивый“ через „и“?»

«Ну, честь почила в бозе, — легко отбилась я. — Но уж не все же!»

«Нет, через одного. Но только – „чистолюбивый“».

«Ага, значит „чистота“ еще живая».

«Да, в смысле сора. А вот девочка написала недавно про князя Андрея: „Он чистолюбивый, но честный“. Показать?»

«Верю, верю. А почему тогда „но“?»

«Не знаю. Наверно, остаточные явления, след языковой памяти...».

«Ну да, афтершоки, как после землетрясения. Потеря нравственного понятия это, как полагаешь, баллов на восемь?»

«На двенадцать — для культуры. Я давно уже вывожу их грамматические ошибки не из грамматики, а из уровня нашего общественного сознания».

«Красиво, — признала я. — Но не слишком ли прямо?»

Так я тогда сказала. Но покривила душой. Ибо сама ведь давно догадывалась, а она лишь блестяще сформулировала. И от щемящей простоты этого хода я никак не могла отделаться и теперь в Дюрсо. Попробуйте! Каждый может прикинуть про себя, поиграть в такую веселенькую игру...

И тут, когда я, нежно прижимая к боку бесценное одеяло, скакнула через тропическую корягу, меня вдруг осенило: «беспрецедентно»!

Уже несколько месяцев мучило меня это слово. Почему именно оно, столь сложно-спирально закрученное и столь недавно еще никому не нужное, вдруг, как таинственный магнит, стало притягивать телеведущих? Тех, единственных, чьими глазами мы сейчас видим мир и имеем свое о нем мнение? Чьими штампами и находками мы так страстно сейчас обмениваемся? Чей язык давно и прочно уже — наша феня? И чтоб все они, скопом, вдруг влетели в «беспрецедентно» на всем скаку? Иной раз и по три раза за какие-нибудь «Вести» ведущий нарывался на это слово. И редко кому удавалось благополучно его миновать, произнеся правильно, чтоб не «беспрецедентно». А уж если сегодня пронесло, то не было ни какой гарантии, что не сгоришь завтра. И ведь горели! Слетали, как пешки со стола! На глазах редело культурное сообщество ТВ! Прихватывая и своих гостей! Спокойным можно было быть уже только на передаче Владимира Познера, больше нигде.

А уж в чем им не откажешь, так это в нюхе...

«Беспре-цен-дентно»! Как же я раньше-то не услышала? Там же багрово просвечивает «цена»! А слово это, в отличие от худосочной «чести», как раз набирает сейчас, сами понимаете, всеохватную мощь и торчит всесильно. Это слово — аттрактор!

Вот что такое грамматика.

o 3oe

Ирина Гудович

О борьбе за долголетие, о Зое, о нас и о нашем времени

Континуален глупости поток,

а Дар – квантован.

З.Е. Журавлева

Большой зал застыл в напряжении. Зоя Журавлева говорит о Нильсе Боре и принципе дополнительности. На наших глазах рождается редкий сплав научной романтики и общечеловеческого вдохновения от соприкосновения с ценностями, которые покрывают пространство значительно более обширное, чем поле точного знания. А я напряженно вслушиваюсь в ее слова и думаю о том, как уловить, сохранить и донести дивные искорки этого сплава до студентов, которым я каждый год рассказываю о принципе дополнительности.

Так бывает всегда, когда в аудитории или на сцене Зоя. Напряженная, я бы сказала, вдохновенная, творческая тишина. И мы еле поспеваем мыслью за льющимся потоком фактов-смыслов-ценностей, сплетенных в замысловатый узор, которому сегодня еще нет названия ни в науке, ни в литературе. На глазах, быть может, рождается какой-то новый литературный жанр, насквозь пропитанный порывами научного поиска. А может быть это и есть форма научного поиска, пронизанная романтикой и нравственностью какого-то не сегодняшнего свойства. И желание у слушателей одно: чтобы этот поток мысли не кончался. Думаю, что если бы программы конференций нашей Ассоциации «Женщины в науке и образовании» не были такими напряженными, многие из нас были бы готовы слушать Зою часами.

В этом году в Воронеже, как и во многих городах России, сложилась трагическая ситуация: вокруг города плотным кольцом горели леса. Мой сын, выбирайсь из огненного котла, успел вытащить из нашего домика университетской базы отдыха «Веневитиново» только бездомную кошку с котенком и нашу черепаху. Вечером нам сказали, что база сгорела. Семья с горечью стала вспоминать, у кого и что пропало в огне. Я как первую и главную утрату вспомнила, что у меня там, в домике осталась моя самая любимая книга Зои «Кувырок через голову» - единственный экземпляр из университетской библиотеки. Через день выяснилось, что наша база почти полностью уцелела, хотя огонь подобрался к самому нашему порогу. Видимо, Зоины книги из тех, которые не горят...

В моем сознании все, что написано Зоей и увидело свет в многочисленных журнальных изданиях и книгах, в том числе переводах на иностранные языки, раскладывается на три абсолютно равнозначные,

разнообразные по жанру и удивительно яркие части. Но судьба этих жанров-частей, как мне представляется, сегодня и в будущем, скорее всего разная. И об этом стоит поговорить подробнее.

Особую часть в ее творчестве образуют детские книги. Они удивительны и, по-моему, не имеют аналогов в нашей литературе. В ярких и в то же время без сентиментальности созданных мирах гармонично сосуществуют люди и животные. При этом симпатичные зверюшки здесь не занимают место «братьев меньших». Они вполне самостоятельные субъекты реальности и вместе с хорошими людьми образуют мир, в котором хотелось бы поселиться читателю. Ведь этот мир наполнен добротой, открытым, внимательным и честным противостоянием жизненным проблемам, которые, по существу, не бывают только детскими, только взрослыми или касающимися жизни животных. В некотором смысле эти повести даже не принадлежат строго жанру литературы для детей, хотя многие из них вышли в издательстве «Детская литература». Их проблемное поле хорошо знакомо каждому взрослому человеку и большинство людей знает, сколько подводных камней в созданном писательницей воспитательно-познавательном пространстве и как не просто в жизни справляться с подобными проблемами. Когда читаешь, например, «Кувырок через голову» или «Путьку» возникает ощущение что эти книги нужно срочно переиздавать. Это нужно и взрослым, и детям. Нужно чтобы наши дети и внуки читали такие книги как можно больше. Тогда есть надежда, что они не одишают от потока предлагаемой им в разной форме чернухи и созерцания придуманных искусственных миров, сомнительных по содержанию фильмов и компьютерных игр, изобилующих физическими и нравственными уродцами.

Вторую часть (не по времени написания, а исходя из удобства изложения) я бы назвала условно интеллектуально-исторической. Сюда можно отнести интеллектуальный бестселлер «Роман с героям конгруэнтно роман с собой», повесть «И услышал я иной голос», а также две книги воспоминаний и дневников, вышедших в серии «Государственные деятели России глазами современников» в 2002 и 2003 году: «Г.А. Потемкин. От вахмистра до фельдмаршала» и «Г.А. Потемкин. Последние годы». Такие книги иногда обозначают словами «трудное чтение». Они заведомо адресованы не слишком широкой читательской аудитории. С другой стороны, аудитория, читающая и любящая такие произведения, со временем не претерпевает сильных количественных изменений, поэтому у них всегда будет свой читатель. О будущем этих книг не нужно тревожиться. Лучшее доказательство тому - переиздание «Роман с героям конгруэнтно роман с собой» и работа над его аудио-воспроизведением.

Сложнее дело обстоит с целым циклом замечательных повестей, таких как «Выход из случая», «Чистое дело», «Островитяне», «В двенадцать, где всегда» и др., густо населенных людьми труда, профессионалами, любящими свое дело, уважающими творческое начало в любой работе, веряющими в созидательные силы человека и возможности коллективного преобразования своего настоящего и формирования общего, да, светлого будущего (пусть бросит в меня камень тот, кто считает это словосочетание ходульным) и что очень важно, живущие в гармонии с природой, вопреки разрушениям и драматизму природных катализмов, через которые героям книг приходится пройти. Автор этих книг любит своих героев и не устает ими любоваться, как не устает любоваться картинами природы, в которых все живет и движется в соответствии со своими скрытыми от постороннего наблюдателя законами, а красота и поэтика которых не столь очевидна для людей, не приобщенных к ней.

Для меня, человека, молодость которого прошла именно в те романтические годы, когда написаны эти книги, когда верилось во все хорошее и в то, что хорошего будет все больше, ценность этих книг, которые я запомнила и перечитываю, несомненна. Будь моя воля, я бы все эти книги переиздала. Но вот здесь как раз все не так просто. Преподаватели вузов особенно хорошо знают насколько сегодня деформировано сознание молодежи. Студенты, которых мы учим в последние годы, выросли в идеологическом вакууме, а точнее в высокотоксичной атмосфере, густо населенной феноменами и ценностями, которые коротко выражаются такими словами как «бабло», «хаява», «кинуть», «замочить». Я много раз слышала от студентов обращенные ко мне вопросы: «Как же вы жили в условиях, когда вас постоянно репрессировали, когда вы не могли сами принимать решения (относительно своей жизни)? Теперь у нас свобода и у нас много возможностей для конструирования нашего будущего». Как мне объяснить этим ребятам, что у них сегодня на порядок меньше возможностей, чем было у нас? Как объяснить, чтобы они мне поверили, что в книгах Зои все правда, что мы действительно так жили и так верили в дружбу, человеческую самоотверженность, трудовой героизм, а любовь к природе не состояла в том, чтобы ее эксплуатировать до последней черты уничтожения. Что выражение «трудовые будни – праздники для нас» - это не придумка ЦК КПСС, а реальность, в которой мы строили свою жизнь и в которую верили. Что разрушение коллективов, произошедшее в последние двадцать лет, – это наша национальная трагедия, а гипертрофированное представление о личной свободе, внушаемое нам на каждом шагу, это постоянно действующий источник наших многочисленных бедствий. В книгах Зои Евгеньевны такая концентрация позитива, что не понятно, как их можно погружать в нашу

искореженную жизнь без того, чтобы услышать прямой упрек во лжи. Чтобы не услышать: так не бывает, так люди жить, думать и действовать не могут.

Еще во время издания этих повестей в 70-е и 80-е года писателями-коллегами Зои было замечено, что в ее книгах практически нет антигероев, нравственно безнадежных людей, что соответствует благородной традиции русской литературы – поиску в человеке того, что позволяет этого человека понять. Действительно, в повести «Островитяне» где-то задним планом проходят злодеи-браконьеры, которые едва не замучили до смерти инспектора рыбнадзора Тобольского, когда тот обнаружил работающую в наглую промышленных размеров браконьерскую базу по добыче и продаже икры. Но у этих людей в повести даже нет имен. Редко встречающиеся в этих книгах преступники безымянны, автору они не интересны. Это тени того яркого мира, о котором с пристрастием любви рассказывает нам Зоя. Еще два персонажа – Агеев из «Островитян» и Анисимов из повести «Чистое дело» олицетворяют для читателя образ так называемого «отрицательного» героя, резко осуждаемого другими персонажами. Вина их обоих состоит в том, что в критические моменты каждый из них испугался угрозы собственной жизни. Здесь, как сегодня любят говорить: «почувствуйте разницу». Вся вина этих людей в том, что они не родились героями, способными пренебречь собственной жизнью ради спасения жизни других. В светлом и понятном нормальному человеку миру Зоиных героев такое поведение порицалось и отвергалось как, впрочем, и в нашей прежней жизни. Но, согласитесь, это даже нельзя назвать пороком, если человек не родился героем. Само понятие героизма, наверное, потеряло бы смысл, если бы на героические поступки был бы способен каждый. Во всяком случае, такие «отрицательные герои» выглядят едва ли не святыми по сравнению с теми злодеями, которыми сегодня изобилует и литература, и жизнь. И сама цена человеческой жизни, как мы это видим ежедневно, становится катастрофически низкой. А в случае потери жизни в результате совсем не непреодолимых катализмов, которым сегодня нет числа, мы видим ханжеские бесчеловечные попытки «залить проблему деньгами», вместо кропотливой работы, направленной на сохранение миллионов жизней наших соотечественников. Наша реальность не просто изменилась, она скособочилась, приобрела уродливые черты. В ней черное стало белым, белое черным, а судьбы Зоиных героев на этом фоне сегодня воспринимаются как социальная фантастика. Мне страшно и больно об этом думать, но не исключено, что мы последнее поколение людей, которые могут искренне наслаждаться такими книгами.

Фантастической выглядит и биография самой Зои Евгеньевны. Представьте себе девочку из коренной ленинградской профессорской семьи, окончившую Ленинградский университет, которая едет на Север,

чтобы там работать в районной газете города Никель Мурманской области. Много вы видели таких девочек в нашей сегодняшней жизни? Каждый человек, понимающий наши реалии, знает, где искала бы сейчас приложения своих сил любая девочка, обладающая сходными, как сказал бы математик, «начальными данными» и куда она стремилась бы уехать. «Мне повезло, что я там работала, хотя ехать в районную после Ленинграда было страшновато. И чем дальше, тем больше я знаю, что мне повезло. Районная газета для выпускника – это прекрасно» - говорит Зоя. Дальше были бесконечные поездки по стране с биологами, искусствоведами, археологами. И неистребимый интерес к каждому человеку, каждому делу, каждой профессии: «Замечательно, что люди вокруг так разнообразны и что в мире столько профессий. И к каждой хочется хотя бы прикоснуться, если приобщиться – слишком смело. И рассказать всем. Об одном человечьем деле. Именно журналист это может – приобщить и рассказать. Удлинить свою жизнь и жизнь других, ибо всякое сопреживание удлиняет жизнь. И это борьба за долголетие, доступная только искусству и неподвластная даже медицине»¹. Те, кто знает Зою, прекрасно понимают, что в этих словах все сказано искренне, без позы и ухищрений, направленных на саморекламу.

А сколько сил, терпения и труда нужно было затратить, чтобы вникнуть в профессиональные особенности работников метрополитена, сейсмостанции, рыборазводного завода, научной лаборатории академии наук в Каракумах. В результате у читателя возникают яркие надолго запоминающиеся картины реальности, в которой ты никогда не был и которую ты одновременно хорошо чувствуешь и знаешь.

Каждый раз, когда мне в руки попадают материалы замечательной газеты нашей ассоциации «Госпожа Удача», которая есть абсолютное детище ее бессменного главного редактора Зои, я не могу оторваться от написанных ею передовиц газетных выпусков под названием «Что такое жизнь», «Что такое свобода», «Что такое мысль?», «Что такое язык» и др. Снова и снова я перечитываю уже практически наизусть выученные тексты. Одновременная парадоксальность и ясность, «резонансная» созвучность читателю и изящность ее суждений в этих статьях завораживает и уводит в мир долгих и часто не безрезультатных размышлений. Недаром газета «Госпожа Удача» у нас имеет статус «информационно-энергетического» издания. При этом я остро чувствую, что Зоя Евгеньевна не написала для нас еще многого, что хотелось бы услышать именно от нее. Например: «Что такое творчество?», «Что такое интуиция?», «Что такое дружба?» и др. Мне кажется, что она это чувствует и может выразить, как никто другой.

---

¹ Из послесловия автора к книге З.Е.Журавлевой «Требуется героиня», из-во «Молодая гвардия», 1969 год.

Владислав Комаров

Мои впечатления и мысли о Дорогом нашем Человеке

С Зоей Евгеньевой Журавлевой судьба свела меня в 1999 году. Это было время, когда мы совместно с МГУ начинали организовывать междисциплинарную конференцию «Математика. Компьютер. Образование» на базе нашего Института биофизики клетки РАН. Я как заместитель директора Института стал сопредседателем оргкомитета. Эти конференции попеременно проходили, то в Пущине, то в Дубне. Помню, что в том году научная программа конференции оказалась чрезвычайно насыщенной. Мы привлекли ведущих ученых Пущинского биологического центра, многие пленарные докладчики должны были приехать из Москвы и других городов.

Но в оргкомитете мы обсуждали не только научную часть конференции. Нам хотелось, чтобы и вечера участники конференции могли провести с пользой для себя: немного расслабиться и отдохнуть от утренних заседаний, в свободной обстановке обменяться мнениями, поделиться мыслями о волнующих всех вопросах. Удобные, располагающие условия Институтских конференц-залов давали такую возможность. В ходе обсуждений этой идеи в оргкомитете с Галиной Юрьевной Ризниченко мы решили, что на вечерних заседаниях мы будем организовывать «круглые столы», посвященные культурному пространству России, обсуждать проблемы взаимопонимания науки и искусства.

Была озвучена и фамилия основного ведущего этих собраний – писателя и журналиста Журавлевой Зои Евгеньевны. Как мне рассказали, она уже неоднократно и удачно выступала на этих конференциях в качестве затравщика дискуссий и в роли режиссера сможет умело создать атмосферу интереса к такому сложному процессу, как междисциплинарный диалог. Заинтересованный этими отзывами я уже сам стал с интересом ожидать открытия конференции, заседания ближайшего по программе круглого стола.

Впечатления от увиденного и услышанного превзошли все мои ожидания. Это же надо так умудриться – на протяжении более двух с половиной часов, пока продолжалась ее лекция «О текущем состоянии культурного пространства России», пока велась беседа и поддерживалась дискуссия – так ярко и емко выдерживать всю свою речь. Меня поразило и покорило, что можно практически без словесных повторов, без

использования устоявшихся и стереотипных выражений очень долго и увлекательно говорить и о поэзии и о поэтах, об их жизни и творчестве.

Удивительно, но и в других случаях, когда круглый стол касался, например, проблем синергизма в науке и искусстве, а собравшаяся ученая аудитория была совсем не тривиальной, Зоя Евгеньевна могла также захватывающе, проникновенно и содержательно вести творческий диалог.

И все это удается сотворять одному человеку!!!

Конечно, сильно оказывается журналистский професионализм «исполнительского мастерства» Зои Евгеньевны. Но все же, несомненно, надо иметь прирожденный талант и исследователя, и оратора, и популяризатора, чтобы так необычно ярко, с широкой палитрой образов и сравнений представлять слушателю единство окружающего мира. Тут глубоко проникаешься ее светлым тезисом: «Когда владеешь языком, то находишься совершенно на другом уровне культуры. Наука и искусство гнездятся в одной и той же голове, и поэтому они связаны гораздо больше, чем хотелось бы думать».

Без сомнения, появление в составе нашей конференции «Математика. Компьютер. Образование» такого уникума в лице Зои Евгеньевны – это большая удача, я бы сказал - судьбоносная находка. Ее неподражаемый, зажигающий, насыщенный стиль подачи материала и, при этом, виртуозное управление аудиторией, этим собранием единомышленников, жаждущих общения, всегда вызывают безмерное восхищение и глубокое уважение. С ее участием конференция наполняется неповторимым качеством.

Ольга Мительман

О Зое Журавлевой

Здесь самое место сказать о Зое, Зое Евгеньевне Журавлевой. Я с ней познакомилась сначала по ее книгам и повестям в толстых журналах, которые в 60-ые, 70-ые, 80-ые годы, пока государственная книжная наша система не развалилась, читались нарасхват и радовали остроумием, легкостью и какой-то ненавязчивой серьезностью в глубине, даже и детских книжек. Потом встретились вживую, и тогда стало понятно, почему на ее страницах такая концентрация умельцев, умников и оригиналов: в ее окончании была вся огромная страна (тогда - СССР!), исхоженная в био- и географических экспедициях, увиденная в бесконечных одиночных скитаниях, прожитая и прочувствованная в разных местах, в разных слоях и в разных профессиях. И всюду встречались ей люди драгоценной для нее породы - знатоки в своем деле, каким бы оно ни было: сейсмолог, охотовед, рыбак, человек науки или диспетчер в метро, - профессионалы-энтузиасты, своеобразные яркие характеры. От них входило в нее то, что потом переплавлялось в ее прозу, а сами они оставались друзьями на годы и десятилетия.

Собственно, то же произошло и в Ассоциации: без Зои точно не было бы Суздаля, ни моего, ни общего, ведь именно она стала тем замковым камнем, который держал (и держит) свод, соединяющий гуманитариев и специалистов точных наук. Именно ей вняты мыслительные ходы тех и других, известны материи, ими изучаемые, притом настолько, что и для маститых ученых она собеседник на равных. Без ее цепкого, точного ума, мгновенно схватывающего суть, ее способности к контактам, дару слова и просто работоспособности, до 20 часов в сутки, не было бы наших "Языков науки - языков искусства" и того широкого людского и профессионального охвата, которым эти конференции были интересны. И уж наверняка не имели бы мы замечательных сузальских сборников, в которые вложены месяцы ее неусыпных трудов, организационных и редакторских.

Из книги «Ассоциация женщин в науке и образовании», 2008 г.

Николай Белотелов

Не могу вспомнить, когда первый раз познакомился с Зоей. Скорее всего, это случилось на одной из конференций, лет восемь или десять тому назад. Тогда я впервые услышал ее выступление. Внутреннее ошеломление было поразительным. Она вышла на сцену, всем своим видом показывая внешнее безразличие к происходящему. Несколько первых фраз. Интонация нейтральная, сипловатый голос. И вдруг, внешне ничего не происходит, но зал замирает, напрягается и явно с ним происходит «фазовый переход» какого-то рода. Речь льется то стремительным потоком, то вдруг разливается широченным плесом. Образы теснятся: тут и Паули, и Витгенштейн, и Налимов, и Бродский. А тема все та же: жизнь и язык, как они соотносятся, пространство и время. Слушая тебя впоследствии много раз, беседуя с тобой, я каждый раз удивляюсь гармоничной многогранности и многогранности твоих интересов.

Низкий поклон и большущее спасибо Зое Евгеньевне за то, что сквозь бурю бытовых неурядиц, она пронесла и донесла животрепещущие вопросы, сохранила детское удивление и очарование окружающим миром.

Юлия Налбандян

(Ростов-на-Дону)

«А мы о смерти друга узнаем, наткнувшись на колонку некролога...»

"С белого листа вдруг попрет на тебя такое количество событий, людей, ситуаций и слов; что уже не знаешь, как сладить с этим потоком, как за ним успеть и как с ним просто физически справиться"... Примерно такое ощущение возникает у меня каждый раз, когда беру в руки книги Зои Журавлевой. Что-то часто цитирую, что-то пропускаю исключительно через себя. В последний раз это было в январе, когда начиналась педпрактика.

"Что же это за племя такое, неистовое, многотысячное и непостижимое — учителя? Как им не надоест? Как они себя сохраняют? Почему не лежат давно в ноголовном инфаркте? Не бегут на Северный полюс, где тихо, белый медведь сосет белую лапу и миролюбиво трогается друг возле друга вечные льды? Дети меня, по-честному, сейчас не волнуют. Дети — как дети. Я себя в их возрасте помню: завидовать особенно нечему. Подумаешь, молодость, силы да неуемная прыть! Кого этим удивишь. Мне даже, пожалуй, их жалко. Ибо у них впереди еще — выбор. <...> А как же они-то, учителя? Они уже выбрали, ладно. Они уже, предположим, давно взрослые, усталые, невыспавшиеся, обремененные собственной семьей, тематическими планами и оформлением кабинетов, у кого — больная мозоль, у кого — печень пошаливает, по пять-шесть, по восемь даже часов у доски, сорок пар глазниц, все подмечаяющих и ничего тебе не спускающих, взирают на тебя безотрывно, этого еще попробуй добиться — чтоб они взирали! А может, сосулька за окном свисла или птичка чиркнула? А может, Лиза влюбилась, в Петю, а Петя — наоборот — еще грызет детские заусеницы и интересуется — наоборот — мононуклеоидами, футболом или исключительно подробностями гибели Робеспьера. Или, того хуже, ему — наоборот — нравится Катя? Больно нужно им на тебя взирать! Нет, ты добейся. Или умри. Так как же учителя добиваются и не умирают пачками тут же, у классной доски?"

Нда... Не знаю, почему несколько дней назад я решила посмотреть - а что сейчас говорят о Зое Евгеньевне в сети...

«26 марта 2011 года ушла из жизни Зоя Евгеньевна Журавлева, писатель, автор более 20 романов, повестей, киносценариев, член Правления МОО ЖНО (Межрегиональная Общественная Организация Женщины в науке и образовании), председатель Оргкомитета конференций "Языки науки - языки искусства", главный редактор газеты "Госпожа Удача"»

В 1983, кажется, году, в мою жизнь вошли получившая хорошее воспитание крыса Лариса (которая по паспорту все-таки Нюра), похожий на эрделя метис Сенатором, у которого исключительно развито чувство собственного достоинства, заморский красавец попугай Гарик, который «хочет сухарик», но становится опасным для ушей окружающих, когда у него «попрет подсознание», и другие многочисленные, разнохарактерные и обаятельные герои детской истории для взрослых «Кувырок через голову». Потом появился «Роман с героем, конгруэнтно Роман с собой» - книга, с которой я фактически не расстаюсь.

А потом... потом начались всевозможные мистические события.

Раздобытый у букинистов номер «Невы» с «Кувырком» был зачитан моими друзьями – но через несколько лет, благодаря крапивинскому клубу «Лоцман», мне эту книгу прислали аж из Якутска.

«Роман с героем» я никак не могла вернуть в библиотеку, продлевала, на пару дней сдавала – и снова брала... Подумывала уже о похищении государственной собственности, когда библиотекари предложили – а может, Вы эту книгу выкупите у нас, чистка фондов идет...

В прошлом году, когда я переживала период «разброда и шатания», коллега по кафедре нашла у букинистов и притащила мне в подарок сборник «Островитяне». Ничего особого не было в этих повестях 70-х, кроме характерного стиля и намеков на будущий «всплеск» в «Герое», но тронула меня эта очень важная дружеская поддержка.

Однако самое интересное произошло в 1997 году, когда я впервые работала в оргкомитете ежегодной конференции «Математика. Экономика Образование», проводимой Межрегиональной Общественной Организацией «Женщины в науке и образовании». "Там из Питера приедет какая-то писательница Зоя Журавлева..." - закончить эту фразу коллега не смогла, поскольку я невольно испустила боевой индейский клич. До сих пор жалею о свойственной мне тогда застенчивости, которая помешала мне хвостиком ходить за Зоей Евгеньевной, действительно оказавшейся чрезвычайно интересным и ярким человеком. Но и тех коротких минут общения, которые все-таки были, мне хватило – чтобы рассказать о «мистике» «Кувырка», и о том, что все конференции по педпрактике мы начинаем с цитат из «Романа с героем»... И даже слегка «фыркнуть» в адрес ее нового произведения – не поняла я тогда, не оценила «Глубоко личный разговор с пустыней Гоби» (за что «получила» потом в дружески-ехидном стихотворном посвящении на новой книге Зои Журавлевой, которую она через несколько лет передала мне с оцией... да вот только и эта книга «загуляла» где-то у моих друзей, текст-то в сети нашелся, а вот посвящение... обидно и грустно до невозможности). Потом, в 2002-м, я уже была посмелее – но и Зоя Евгеньевна была нарасхват, и толком поговорить мы не успевали.

Теперь и не успеем.

"Не знаю, как вы, а я в последние годы прямо физически чувствую, как вымываются из нашего языка все слова, связанные с категорией нравственности, как размываются границы нежелательных для нас сейчас смыслов, тех, что еще тревожат совесть (ой, а это что такое?) как бы воспоминанием о былой их ясности и необходимости, но теперь уже смутны, обременительны и излишни, не ко времени усложнили бы и без того сложную нашу явь."

Женя Черных
(и интернет)

**По-моему, это – удача... Жизнь.
(или Роман с нами)**

*Вот мы с тобой, например, могли ведь так
никогда друг друга и не увидеть. Но вдруг -
встретились! Это что, по-твоему?*

Зоя Журавлёва

Зоя спасала меня не раз - строками, сказанным, и как удавалось ими держать, не давая провалиться, до сих пор не понять... Но приходили в момент, когда были нужнее всего, точные, ёмкие, адресные... Выыхалось, иной раз и судорожно: трудно расставаться с иллюзиями... но и силы появлялись, на вдох.

Собрать бы свой «захлеб», когда только читать начинала, разбросанный по письмам друзьям, и ответы те, что приходили... да негоже как-то... Не о себе просили написать, о Ней.

Хоть и не Госпожа, но Инет – всё же удача!... «не я, и не он, и не ты, и тоже, что я и не тоже...».

Инет без купюр:

«...издавали её только единожды - и Зоя Журавлёва, автор книги "Роман с героем - конгруэнтно - роман с собой". Журавлёву, вначале читала в журнале, в "Неве" её публиковали в конце восьмидесятых, двадцать лет назад. Не раз перечитывала (последний раз - совсем недавно, удалось через <http://findbook.ru> найти её книгу и купить). Каждый раз, удивляясь: интереснейшая книга, есть над чем подумать, есть чему удивиться, есть эмоции, есть размышления, есть афористически выверено сформулированные мысли, есть рифмованно-ритмическое в строчку, как нынче на жэжэшечке модно - и не просто есть, а уместно, оправданно. И почему-то её почти никто не знает, и издавали один раз и давно, и не переиздают. Жаль».

Форум:

- А у Зои Журавлевой лучше читать не ее чудовищный "Роман...", а ранние повести: "Островитяне" (про цунами на Курилах в 1950-х гг., "Чистое дело" - про Репетекский пустынный научный стационар, и детские книжки: "Кувырок через голову" (про детскую жизнь в питерской школе) и "Сними

панцирь" (про Репетек, опять же). Про питерское метро: "Выход из случая".

- А у Зои Журавлёвой я это читала, да, и еще детского "Путьку", до сих пор жалко, что книжку не отдали из инфекционки, куда я ее потребовала, не зная, что не отдадут. И почему это "Роман" чудовищный? По мне, так близкий к гениальному, оффигенски прекрасна книжка.

- Очень добрая и забавная книга "Кувырок через голову" Зои Журавлевой. Там тоже главная героиня - девочка.

- простите, а вот это: http://lib.aldebaran.ru/author/zjuravleva_zoya/ она? я, признаюсь, первый раз слышу о таком авторе

- Она. Но я бы все же рекомендовала именно "Роман с героем", а не прочее.

<http://spkurdyumov.narod.ru/Guravleva/Novel.htm>

- о, спасибо, а то я искал - не мог найти, а здесь прямо рудники серебряные; и даже про Бродского есть, ну надо же 2007.07.19 (из трёпа украинцев)

- ...Читал ли кто-нибудь Зою Журавлёву? Книги СССР умерли вместе с ним? А мне нравицца. Книжка у нее есть про Метро. Куда там Хейли, имхо. Патаму што это **наше** метро :) А не какой-то там ихний аэропорт...

-Журавлёву читал очень давно, очень мне понравился у нее "производственный роман" про метро. Я ни до, ни после про метро романов не читал. Причем с такой внимательностью и деталями. Как это всё работает, что за люди там, диспетчеры, машинисты... Очень интересно. А метро-то у всех под носом, это не "отель" и не "суд", а экзотики притом больше. Рекомендую короче. Только нет щас нигде её.

Один сайт всего нашёл:

<http://spkurdyumov.narod.ru/Zurav.htm>

- Вообще есть люди, которым можно говорить неправильно. Как у Зои Журавлевой: "Мой дружок-художник говорит "каждый человек". Я все собиралась его поправить, но теперь знаю, что никогда не поправлю, потому что его "каждый" - не какой-нибудь заурядный "каждый" (цитирую по памяти).

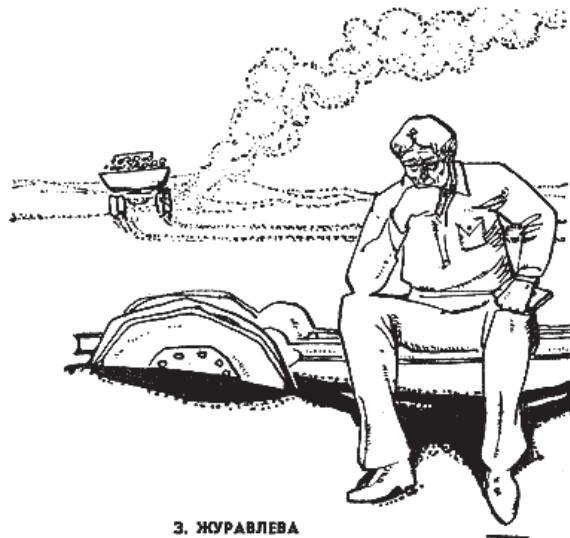
- Вот еще что хотела спросить: у кого-нибудь не осталось с детства книг Зои Журавлевой? Особенно хочется достать книжку "Кувырок через голову". Если у кого есть, пожалуйста, откликнитесь!

- Нашла "Кувырок через голову" Зои Журавлевой. Обалденная книжка из детства... .... А где же птичка? - сказал папа, он,

наверное, почувствовал Асино нетерпение.- Надеюсь, она здорова?

- А за окном шелестят тополя:
"Нет на земле твоего короля..." (АА)

Рисунки В. КОВЫНЕВА

3. ЖУРАВЛЕВА

СОРОК ПЕРВЫЙ КИЛОМЕТР

Очерк

Есть вещи несравненные, как пустыня 30-х годов и наша, сегодня.

Перемены, которые происходят в песках теперь, на наших глазах, — это количественные накопления. Это уже явления одного порядка. Еще больше веселых геологов. Еще меньше печальноглазых джейранов. Больше цивилизации. Меньше саксала.

В Каракумах все человечество может играть в песочные куличи, материала хватит.

Иногда обернуться на тридцать лет назад труднее, чем забежать на тридцать вперед. Ленимся мы оглядываться...

А позади нас стоят упрямые, крепкие люди.

Почему мы так редко оглядываемся?

Позади нас стоят настоящие люди. Мы улыбаемся их улыбками, так же размахиваем руками в споре, вспыхиваем от мелочей, лезем на рожон, иногда отступаем, чтобы взять новый разгон. Многих из них давно нет. Но они делают нас сильными.

Спасибо им. Которых больше нет...

«Как привить мальчику 8 лет любовь к чтению?»

- Мальчику 8 лет, читать совсем не хочет! Перед школой ходил на занятия по методике Зайцева, читал лучше всех! А теперь просто беда: на что только не приходится идти, чтобы он прочитал несколько страниц в день.

Ответ: Самый гениальный способ был в книжке Зои Журавлевой "Все кувырком".

- Что мне делать с моим мальчиком? Он совсем не хочет учиться. И хочет быть конюхом...

Мальчику, когда он был в гостях, строго-настрого запретили читать под одеялом, в туалете и еще где-то :), а на кухне "забыли" фонарик, в комнате "забыли" книжку о лошадях.

Любопытство пересилило, включил фонарик под одеялом, был "пойман", книгу отобрали, отдав через неделю.

Через месяц жалоба мамы:

- у меня сын читать начал... запрется в туалете - и сидит читает..

Читайте сыну вслух Журавлеву :))

Автор: Зоя Журавлева.

Название: Ожидание.

Издательство: Детская литература

Год издания: 1976

Художник: Е. Медведев

Тип переплета: твердый картон

Количество страниц: 143

Формат: 17x22см

Для младшего школьного возраста

Тираж: 100 000

Аннотация: Человек счастлив. Ему семь лет. У него прекрасная бабушка, великолепный дедушка, подруга Алена - на всю жизнь, кот Ардалён, который, наконец, нашёлся. Море шумит у ног. Лес распахнут в цветах и травах. И в лесу - дача. Летят летние дни - круглые, солнечные, свежие, как яблоки. Но человек вдруг задает вопрос, в котором недетское смятение души...

Дефекты: потерты уголки.

Цена 220 руб.

Гипноз, метафоры, аутогенная тренировка - У Зои Журавлевой есть стишок,... мне очень нравится одна его фраза: - Слова вдруг явят запах твой и цвет.

Душа моя на цыпочках стоит,
Всё тянется к чему-то там высокому.

И у неё всегда несчастный вид:

Такая бледная, немая, одинокая.

И вечно что-нибудь не понимает -

Возможно - дура, может быть - святая.

Ух, как она мне надоела!

Ей что угодно - только бы не дело.

- И точно, лишь бы не дело... Великое дело
стихи! Все-то они могут объяснить -
растолковать... лишь бы не дело...

- А вот еще. Стихи, как у автора, не строфами,
текстом. Но стихи! И какие! Взяла книгу, чтобы
отдохнуть от проблем своих. А теперь не могу
оторваться ни от Романа с героем, ни от стихов Зои
Журавлевой и создаю себе новые проблемы.

Глядел глазами грустными, огромными, нерусскими.
Ничто во мне не дрогнуло, ничто во мне не хрустнуло,
ничто во мне не крикнуло, когда Он уходил. Ушел -
и нету сил. На землю кинусь стылую, прохожим кинусь
под ноги. Вернуть - какою силою? Держать - каким

же подвигом? Негаданный, неузнанный, связать - какими узами? Сказать - кому сказать? Ушел - и солнце скрылося, как сердце надломилося, как что-то обвалилось, успев меня подмять. Глаза твои бессонные, бездонные, бездомные - куда теперь девать?

- а можно еще её стихов?

- Мне нравится Роман, но стихи!!! Это просто непереносимое удовольствие! И их нет в Сети. Ищу и не нахожу. Может не так ищу? Но их нет. Как это несправедливо! Печатаю первое прямо из книги Роман с героем конгруэтнто роман с собой (ББК 84.Р7 Ж91). Переношу все, как есть - от переноса до точки. Не мне править Зою Журавлеву.

Когда исчезнут вещи и дела, и даже след цивилизаций, вдруг прорастут во Времени Слова, осмыслив жадное Пространство. Все, что копили миллионы лет, Слова вдруг явят, запах свой и цвет, и форму, без которой Слова - нет. Ведь только Человек, сам вырвавший Слова из немоты, как джинна - из бутылки тесной, внушил себе, что Слово - бесцелесно, что можно им распоряжаться кое-как, бросать на ветер как пустяк и ставить запросто - на место, лишь Человек наивный, так уж вышло, бесстрашно их лишает смысла. Слова - до времени - дают с собой играть, свою скрывая власть, но расщепленный атом содрогнется - от зависти, - когда терпенье это оборвется. Хоть можем долго мы еще бездумно жить, и мелочность свою в Слова рядить, и мелкостью своей Словам вредить, и говорить и городить. Им некуда спешить, у Слов - в отличие от нас - в запасе Вечность.

PS: Если это осилите, продолжу выкладывать. Если не осилите, ...

- Осилили! Продолжай. :)

- Продолжу.

Вот последний абзац перед вторым стихом (я с этим совершенно согласна).

В школе могут работать лишь те, кто умеет сказать человеческим языком, остальных надо гнать. В младших классах надо изучать логику, ибо косноязычие - дефект мыслительного аппарата, тут не в запасе слов дело...

Как кто-то правильно подметил, на нас идет пещерный ветер, уж тянет шкурами и дымом, уж пахнет жареным давно, а мы живем упорно - мимо, а мы спешим неисцелимо на пляж, на службу и в кино. Как стрелы первобытных прерий, отпели прежние дуэли во имя нравственных высот...

PS: и все же, стихи и Роман неразделимы. Только порчу. Сдаюсь. Весь Роман мне не перепечатать.(((
- спасибо за приобщение к прекрасному! жду обещанного продолжения ;)

- Бог любит троицу. Вот напоследок третий стих. Как есть.

Мысль, серенькую как лесная птаха, вдруг выразить нарядными словами - моя всегдашняя забота и печаль, и в этом деле я поднаторела, ища для серого - блестящие оттенки. Осталось неразгаданным: зачем? Что заставляет душу вращать мучительно словесный вал? Так океан бездонными валами ворочает... А в результате - ракушками поросший старый остов рыбачьей лодки, прядь травы увядшей иль просто камень выкинут на берег, каких кругом полно на берегу. Зачем так сладостно смещать понятья, когда важней - понять их? Тайный смысл лишь ускользает в ворохе созвучий. И остается лишь мгновенный всплеск, как будто рыба, прохладная и скользкая как мысль, ударив плавниками круто в волны, плеснула... И канула в безвестные глубины. И почему такое наслажденье мне доставляет этот труд души? Такое полное и чистое блаженство, что заглушает все другие чувства, вдруг делая слепой, беззвучной и счастливой? Какое это к Вам имеет отношенье? И почему - имеет, вот вопрос...

- Не справилась с собой. Не утерпела. Выкладываю вновь. остановите кто-либо, когда...

У темных елей черная хвоя, и черные - углом - ложатся тени. Душа моя - ты черная ладья, летящая в слепом кипенье. Не видно и не слышно берегов. Фарватер узок. И страшна стремнина. Тяжелая вода черна - как кровь из раны, что неисцелима. Меж облаков ударили глаз луны. И вслух, сверкнул и растворился камень. В ушах гудит от черной тишины, которая - мы сами. А черных гор давящая гряда угрюмой сводит судорогой спину.

Душа моя — ты черная беда, которая ни с кем не разделима.

Википедия

Образ белокопытника активно используется в романе Зои Журавлёвой «Роман с героем — конгруэнтно — роман с собой», впервые опубликованном в 1988 году в журнале «Нева» (№ 2, 3, 4, 5). Главная героиня романа говорит о растении, называя его «нордосмия» (искажённое от «нардосмия», такое написание слова иногда встречается и в научно-популярной литературе): «нордосмия, водяной лопух, что полощется на длинной своей ноге сплошняком по Печоре, не просто увядает таким кричаще-кирпичным цветом, а поражена по осени ржавчиной, и это именно ржавчина так прступает с тыльной стороны листа...»

Героиня пишет стихотворение о нордосмии («По осени, по осени // вся в крапинах — как в осинах — // черна трава нордосмия...»), а затем в разговоре с дочерью снова возвращается к рассказу об этой траве в реке Печоре: «...лист огромный, почти треуголен, чем она старше — тем более этот лист окружл и совсем уже похож на лопух, он дрожит в слабом течении, а стебель его бесконечен и гибок...» Она рассказывает про ржавчину, из-за которой растения вянут оранжево-кирпичным тоном, блестящим в сумерках, а также о том, что если река метров восемьдесят в ширину, то заросли нордосмии занимают иной раз метров шестьдесят... «Сейчас мы её изобразим», — говорит дочь и рисует «свою модель-нордосмию: поверх синей воды, чуть тронутой тусклой рябью», плавает запрокинутое лицо её матери «в форме большого растительного листа»...

По осени, по осени

вся в крапинах — как в осинах —
черна трава нордосмия,
плавучая трава,
и листья полукруглые
обуглены, обуглены,
ботва её мертва.

...

По осени, по осени
в душе — ни сна, ни просини,
предчувствие готового
тернового венца.

А по воде разбросана,
распластана, разостлана
плывёт трава нордосмия,
и нету ей конца...

Стихотворение из романа Зои Журавлёвой

Товарисчи! ОЧЕНЬ нужна книга Зои Журавлевой "Роман с героем конгруэнтно роман с собой", Л.: Советский писатель, 1988. Может, у кого-то дома она стоит на полке, пылится в углу или приготовлена для растопки бани? Куплю за любые вменяемые деньги.
Carambol????

Пишет Елена Кле'щенко ([elenka iz hij](#))

@ 2007-10-24 12:06:00

"Роман с героем - конгруэнтно - роман с собой"

Набирала этот абзац у [Elenka iz hij](#), решила у себя повторить. **Зои Журавлевой много не бывает.** (Если честно, Зои Журавлевой обычно бывает мало. Сказала бы, что не понимаю, почему ее не издают... если бы в самом деле не понимала. ;)

"Безмыслие - даже при самых совершенных чертах - изнашивает лица быстрее, чем время. Безмыслие годам к сорока обязательно проступает на самом совершенном лице... Лица, за которыми достаточно лет, реже дают возможность в себе ошибиться, они честнее, что ли. А молодые лица обмануть - любят, видишь прекрасное юное чело, обескураживающий чистотой и вроде бы пытливостью взор, темпераментные движения, а невинные уста вдруг развернутся и польется дремучий поток банальностей, которым тысячу лет в обед, либо вовсе замешалася глупость. Нет, сверстники - надежный народ. Они, которые в своем развитии не остановились, - уже и не останавливаются, их теперь не удержишь, неудачами уже не сразишь, даже болезнями не затюкаешь, они выдюжат, всё - хорошеют, не знаю уж - до какой немыслимой красоты решили идти и как я эту их красоту вынесу..."

Когда "Роман с героем - конгруэнтно - роман с собой" выходил в "Неве", за сорок было ей, а нам не было двадцати. Конечно, насчет взрослых она права. (Сама выглядит потрясающе. Глянешь на фото - видишь женщину, которая с путевым дневником странствовала по пустыне Гоби.) И насчет молодых тоже. Видишь, бывает, прекрасного эльфа и отчетливо сознаешь, что за этой дивной красотой не стоит тысячелетняя мудрость... Зато очень сильное впечатление, когда молодой человек или барышня все-таки оказываются умными, взрослыми, глубоко чувствующими. Словно в лицо тебе расхохоталась кошка. (с)

Поймала в Сети несколько его (Бродского) книг и вот – «Путеводитель», а там..! Разномастная эклектика, но.. несколько раз открывая и зачитываясь в разных местах, попала однажды на ОТДЕЛЬНУЮ статью. Захлебнулась восторгом как прежде – читая Юнга. После – Юнг растаял, уступив место ещё более целостному и чистому. Писанию и экзегетам.

Жадно запомнила автора, разыскала в Сети. Оказалось: ЗОЯ ЕВГЕНЬЕВНА ЖУРАВЛЁВА. Теперь изучаю... :))

[- позже сюда ссылочки вставлю на её тексты

<http://www.stihi.ru/2009/05/01/4574> - "статья" о ней

<http://ingakess.livejournal.com/30077.html> - впечатления от слушания и ещё ссылки 2006 года

<http://www.liveinternet.ru/users/felisata/post100358854/> - возможно, тоже её цитируют

<http://magazines.russ.ru/october/1999/9/ursky.html> - Сергей Юрский хотел снять фильм по её повести "Островитяне"

- боюсь, очно с ней не пообщаться (имею ввиду послушать) - ей теперь около 80, если не более, и она в Питере..]

Я принес тогда на студию заявку на постановку фильма по повести Зои Журавлевой "Островитяне". Мне нравилась эта повесть, я "заболел" ею. И вот претендовал на то, чтобы стать режиссером. (Юрский)

Анна, это Вам "на затравку" :-D из романа Зои Журавлевой.

http://www.nellija.sitecity.ru/stext_210115333.phtml

Владимир: Здрасте!...Вот действительно где люди-то замечательные существуют! Ферганцы! А я по каким-то сереньким группкам шарюсь с кухонно-пересудочным уклоном...

Смотрите — сиреневый суслик сидит среди сумасшедших сугробов, сонливо свисая своею стеклянной стотонной ногой...

Тут вся прелест — именно в перебиве, когда уже привыкаешь к плавному скольжению «эс» и внезапное «ногой»— как удар под коленку. Главное: точно почувствовать длину скольжения перед ударом. **Ощутить, поймать и не пропустить.** Дети получают свое эстетическое наслаждение, обычно смеются — именно от точно рассчитанной

внезапности. Взрослые от этого же частенько раздражаются, у них другое по плотности внутреннее время. Взрослые — бессознательно — жаждут как раз ожиданного, чтобы соотнести с собой, им ведь всего важнее — перенести на себя, чем прямее — тем им комфортнее, или слегка, самую чуточку, неожиданного, чтобы — так сказать — расшириться, не сильно при этом напрягаясь. Взрослые внутренне отяжелели (кг взрослого весит больше, чем кг ребенка, это всегда надо помнить), им трудно даются скачки.

Каждое слово в детской книжке — удар цветным мячом в светлую и звонкую стенку. Мяч обязательно должен стукнуться об стенку несколько раз, иногда — много, детям — для проживания слова до обыденности и приживания слова к себе — обязательно нужны повторы. Важно уловить миг, когда энергия восприятия максимально высока, мускулы души напряжены и разгорячены, а усталости еще нет, но она вот-вот может возникнуть. Тут-то и нужен поворот, эдакий подых. **От поворота на всем скаку — рывком меняется угол зрения, снимается подступившая было усталость и вспыхивает радость новизны**, по крайней мере — у детей так, они еще не замусорены штампами.

Во взрослую стену колотиться, видимо, следует медленнее по ритму, чтоб сразу не спугнуть, им нужно длительное вступление. Потом уже — рече, короче. Многоократные повторы мяча-слова тяготят взрослых, ибо в повторе они видят лишь повторение и тут же подозревают, что их умственные способности автор недооценил. Слишком хорошо знают точный (вернее — точечный, максимально вероятностный) смысл слова и мало чувствительны к полутонам, к теням, цвету, запаху, расширяющейся — в частности от повторов — глубине и игровой переливчатости, вообще — к полю слова. Слово же всегда двуедино: частица-волна. Мячик во взрослой прозе лучше брать тугой и поменьше, желательно — однотонный, но выпукло очерченный цветом, например — черный. Многоцветье радуги часто воспринимают как радужный мыльный пузырь. А стенка, как правило, лучше если очень спокойных тонов, серо-голубых, светло-салатных, вроде — привычной кухни...

Автор: Зоя Евгеньевна Журавлева

Название: Кувырок через голову

Издательство: Детская литература

Год: 1983

Формат: RTF, FB2, RB

Размер: 5.52 Mb (+3%)

Герои этого произведения – пес Фингал, кошка Мария-Антуанетта, две птички, уж Константин, десятилетняя девочка Ася, ее мама и папа, а также хозяин крысы и многие другие... В Асиной семье хватает места и для веселых игр и общения с родителями и конечно же для животных, которых мама и папа сами с восторгом таштят в дом.

"Роман с героем"

Впервые публиковался году в 89 в толстом журнале Нева. Его читала моя мать и периодически цитировала стихотворные вкрапления. Впрочем, она так и не прочитала всё – забросила, а вот я прочитала и приложила немалые усилия, в результате которых стала счастливым обладателем трёх журналов из четырех возможных.

А книгу, которая у меня сейчас, я украла в библиотеке (как и две другие книги того же автора) - во всех случаях я была первым и единственным читателем с момента издания, и решила, что пора их спасти.

Это очень странное произведение. Трудно сказать, о чем оно – скорее всего, об определенном способе жить и ощущать...

Героиня пишет книгу про своего героя - с которым роман - то есть, она в него ещё и влюблена....

И вообще она любит людей, нашедших своё Дело... люди "всплывают" и снова "пропадают" в жизни.

Книга, трудная для чтения вслух, - много размышлений, иногда довольно отвлеченных (например, много о квантовой физике, неизвестной, но очень привлекательной для героини), постоянные перебивки и местами очень (трудно подобрать подходящее слово - "откровенные" лучше всего, но оно вызывает неверные ассоциации, "трогательные", "беззащитные" наводят на мысли о розовых соплях, "открытые" - слишком сухо) - очень близко к тому, что всегда скрывают - о переживании смерти любимого человека, например.

В общем, книга о значении Дела в жизни одних людей и значении людей в жизни других людей.

Смешно вдруг стало. Ведь не умею я – чтоб тихо, сычу еще какое лихо. Отныне вновь свободна я в прекрасном взваре бытия. Пусть идол прорастает мхом. Я напишу об нем. Потом

<http://vse-knigi.su/auth/8155>

Все книги планеты

Путька, Сними панцирь

С тех пор прошло уже лет 15, но об этой вещи я всегда помнила и ужасно хотела перечитать ... 07.02.2008 23:12.
Тея Чудесная книжка, и дети, ...

"Кувырок через голову" Зои Журавлёвой, 10 июля 2010 г.

Это чудесная книжка! Любима с детства, всегда потрясающе поднимает настроение. Великолепно пропитана семейным теплом, интересными жизненными событиями, простотой и тонким юмором. Очень советую всем! ;)))

Коновалова Вера, СПб, 22 года

Журнал Звезда 1966 №7

9363. **Зоя ЖУРАВЛЕВА.** У меня есть голова. Повесть.— С. 58.

Здравствуйте, дорогие радиослушатели.

В эфире — рубрика «Душа поэта» и ее ведущая Виктория Фролова.

Здравствуйте, друзья.

В прошлой передаче рубрики «Душа поэта» мы с вами и с замечательной писательницей Зоей Журавлевой вели разговор о тайнах Слова, Творчества, и, если хотите, о смысле жизни. Во всяком случае, именно об этом размышляет Зоя Журавleva, используя удивительную авторскую форму, условно названную нами «проза в стихах», на страницах своего «Романа с героем...». Напомню, его сюжет основан на истории безответной любви героини романа, но ее любовные переживания настолько тесно вплетены в процесс ее же миропознания, что их трудно — да и не нужно — выделять особо. Чего не делает и сама Зоя Журавлева: ...А тинный, донный запах стелился над водою как намёк, что этот пруд лет так через пятьсот, возможно, зарастет. Какие сроки! Эх, нам бы ихние намеки! ... Что ж до меня — меня в пруду негусто отразилось, поскольку тень сосны упала в воду и вмиг меня затмила. Ее породу с моей, конечно, не сравнить: шутя — затмить. Но все же я успела, пока сосна с высот до вод летела, перехватить свой взгляд обратно из пруда... Как злобно выдал он мою беду — что Ты со мною не придешь к пруду".

Институт исследований природы времени
2004г.

Российский междисциплинарный семинар по темпорологии:

26 октября, вторник

"ХУДОЖНИК И ВРЕМЯ". ЗОЯ ЖУРАВЛЕВА (yazoya@inbox.ru).

«Время не распространяется... В любой системе координат время появляется сразу во всей Вселенной. Поэтому действие времени осуществляется всюду в тот же момент».

Н. Козырев

Александра Левича подтолкнула создать свой семинар идея Пространства-Времени Козырева.

Интересный доклад сделала Зоя Журавлëва из Петербурга. Она рассказала о пустыне Гоби – о том, как там человек чувствует время, — оно вообще останавливается или течёт во всех направлениях сразу. Но тут – индивидуальное восприятие времени.

Мир – был неплох, когда я в нем поменьше понимала. Теперь не понимаю ничего. Но это слишком много – для Начала и слишком мало – для Конца его.

WAP-БИБЛИОТЕКА TEGOS.RU СОВЕТУЙ ДРУЗЬЯМ! Зоя Журавлева Требуется героиня Повесть об актерах нестоличного театра.

Искусство как парадокс Жизни Зоя Журавлëва,

«Нелинейный мир». Этот журнал, посвященный нелинейной науке, уже 4 года издает сотрудник Института радиотехники и электроники РАН профессор Александр Алексеевич Потапов.

Вторая часть книги состоит из воспоминаний о Сергеем Павловичем, собранных и отредактированных Зоей Евгеньевной Журавлëвой. Впервые они были напечатаны в газете «Госпожа Удача», которую издаёт ассоциация «Женщины в науке и образовании» и которую редактирует З.Е. Журавлëва.

Воспоминания были написаны вскоре после того, как Сергей Павлович ушёл от нас. В них так много тепла, высоты, глубокого понимания ... Наверно, это лучшее из того, что до сих пор писалось о Сергеем Павловиче. Мне они по-новому раскрыли многие прекрасные черты человека, рядом с которым я шёл тридцать с лишним лет. Удивительно, как З.Е. Журавлëвой точно удалось почувствовать, оценить, выразить «человеческое измерение» С.П. Курдюмова.

Без обязательного - жить можно, без необязательного - нет © Зоя Журавлева

Конец весны прошлого года, вдвоём на кухне Гали... очередная глупость: красоте определение нашла, своё.

- Выдай, раз уж невтерпёж...

- Вдох, не ставший выдохом.

Замерла...

- Захлебнулась, получается..... нырнула и не вынырнула.....

- Ну да, задохнулась...

- Не вынырнула.

Все тексты представлены в авторской редакции

К 75-летию (2010)

Дорогая Зоя !
Мы тебя очень любим!
Мы ценим твой Дар, и восхищаемся твоей способностью
Словами выразить нашу немоту.
Твои книги принадлежат Миру, но
Как ни крути, а вся ты наша,
И мы тебе принадлежим
Ты – наша Удача
И мы желаем тебе всего

От имени Ассоциации «Женщины в науке и образовании»
и всех сочувствующих

Галина Ризниченко